

Анастасия Борзенко

Мечта мечты

Глава 1

«Ее рука была бела и некрасива. Она водила пальцем по стеклу электрички, словно была зима, и оставались отпечатки на грязном, тронутым морозом окне. Я долго смотрел на Нее, прежде чем решился спросить, что Она рисует. Она нервно вздрогнула, посмотрела на меня своими неприлично большими серыми глазами, и ответила:

— Бесконечность. Ее не видно, но она во всем. Не находите?

На мгновение показалось, что Она душевнобольная. Самая женственная из всех, что приходилось видеть. Женщина звонко рассмеялась, обнажила свои прекрасные белые зубы без какого-либо стеснения, будто бы ей было все равно на людей вокруг.

— Простите. Я пошутила.

Улыбка... Никогда больше (никогда раньше!) не видел подобных улыбок. Мне безумно захотелось Ее поцеловать. Вдруг она вскрикнула:

— Моя остановка, совсем вы меня отвлекли! Вы такой болтун!

Честно говоря, в тот момент я совершенно потерялся — не успел спросить ее имени или

пригласить на свидание... Но почувствовал твердую уверенность в том, что мы еще обязательно встретимся.»

— Федор Петрович, время идти ко сну.

Пожилой человек в хорошо отглаженной фланелевой пижаме зло посмотрел на доктора, который вмешался в трепетный мир его интимных воспоминаний с юношеской бесцеремонностью. Его старый нос покраснел от негодования. Молодого человека также раздражали манеры старика, задевала категоричная отчужденность и презрение ко всему и всем. Доктор никогда не задавал Федору Петровичу вопросов и вдруг решился. Вышло тихое и неуклюжее:

— Пишете?

Федор Петрович вздрогнул. Вопросы он не ожидал. И счел его настолько дерзким, что решил, что ослышался. Ответа молодой человек не удостоился. Доктор решил не сдаваться:

— Пишете что-то про свою жизнь?

Старик побелел. Собрав в одно единое всю внутреннюю силу, которая еще в нем осталась, он тяжело облокотился на подлокотники инвалидного кресла и бросился на врача. Его сухие, но цепкие руки обхватили шею молодого человека. Его губы приблизились к уху, и, задыхаясь от негодования, он начал говорить шепотом, но сорвался на крик.

— Вы называете это чем то, молодой человек? Вы не смеее чернить то, о чем не имеете ни малейшего представления. Вы никогда не испытаете и не узнаете того, что известно мне. Ваши мелкие мозги и ничтожное сердечко не предназначены для Великих чувств. Всю жизнь проведете со стариками и не заметите, как сами состаритесь.

Тело колотила мелкая дрожь и он болезненно опустился на пол.

Доктор чувствовал, что должен помочь старику подняться, но не мог заставить себя. Вместо этого он сам закричал:

— Да, Федор Петрович, да! Я трачу свое время на таких как вы, пожилых людей, которые ни разу... ни разу!!! Человеческое спасибо мне не сказали. И ничего, кроме мыслей, искаженных временной паранойей, не видят. И не хотят видеть. Скажите, вы помните... Нет, помните, как меня зовут? — от волнения он повторял слова.

Старик лег на холодный кафель и вытянулся в полный рост. Тело приятно охватила холодная прохлада с легким запахом плесени и хлорки.

— Спасибо... За то, что бездарно растрачиваете свою жизнь на насекомых, подобных мне. Потом и вспомнить нечего будет, и вы умрете, не оставив после себя ничего. Никакой истории, молодой человек.

Доктор едва мог унять дрожь, его колотило, будто в ознобе. Он налил воды из графина и жадно осушил стакан.

— Знаете, Федор Петрович, Вы правы, мне нечего будет написать своим потомкам кроме как воспоминаний о пожилых людях, с которыми я здесь уже двенадцать лет, но, я живу этим. Живу сейчас, в данную секунду... А, вы, Федор Петрович, не знаете и никогда не знали, что это слово значит. Мне горько говорить это, но сомневаюсь, что узнаете. Времени может не хватить...

Старик засмеялся. Сухим и неприятным смехом. Скрипучим смехом. Маленькими иглами, впивающимися в мозг.

«Я увидел ее снова. Нет... Она увидела меня. Глупее места для встречи нельзя было придумать: странное сочетание весеннего солнца, запаха живой листвы и вони человеческих отходов. Да, это произошло на месте слива помоев... Но, может, в этом и была своя фатальная прелесть — рождение чего-то большого и, наверное, самого прекрасного из всего, что только может быть в человеке, из грязи, оставленной им же?»

— Люблю оранжевый цвет, — сказала Она.

Я вспомнил нашу первую встречу, когда принял Ее за помешанную, и не придумал ничего

лучше, как улыбнуться со всей глупостью в лице. На которую только был способен.

— Цвет вашего ведра, — пояснила. — Оно такое... Оранжевое.

Спустя четверть часа мы сидели возле окна в заведении, каких тысячи в городе и ни одного в своем роде. Потому что рядом сидела она, только в нем. Ее звали Лида. В тот момент я явно осознал, что сижу напротив очень красивой женщины, НА САМОМ ДЕЛЕ. Сама же Лида забавлялась.

— Знаете, есть такой мультфильм: «Простоквашино»?

Я улыбнулся.

— Все знают этот мультфильм. Напоминаю вам «Дядю Федора»?

— Не уверена, — рассмеялась, — Только не обижайтесь, скорее Шарика. Вы такой худенький...

«Худенький» — Она сказала это так, будто произнесла «Вы, такой скелет». Поднесла чашку с кофе к губам и, не отпив, поставила. Что — то мешало Ей расслабиться. Внешне поразительно спокойная, но нервозность сквозила в каждом действии. Беспокорйствие, в котором я был уверен (да, да, я считал, не допуская и тени от тени сомнения, что заставляю Лиду нервничать) придало мне внутренней силы в тот момент. Может, мне хотелось, чтобы Она нервничала? Может, казалось, что должна...

— Не принимайте близко к сердцу мои слова.
Я неудачно пошутила.

Она снова взяла в руки чашку. На этот раз обхватила ее ладонями крепко. Словно Ей было холодно. Поставила...Окунула ложечку в солонку. Возникло ощущение, что Она не здесь, со мной, а где — то. Она говорила, не поднимая глаз. Я все ждал, когда Она прикоснется ко мне взглядом. Но боялся этого, в то же время. Такое непонятное внутреннее состояние овладело мной...

— Я очень давно нигде не была...Особенно приятно оказаться в маленьком незнакомом месте с незнакомым человеком, которому можно сказать обо всем, что взбредет в голову. Не боясь никакого субъективизма.

Лида улыбнулась, и мне стало не по себе от ее улыбки.

— У вас неприятности?

Подняла глаза. Ее взгляд... В ту секунду я понял, сколько можно узнать из одного только взгляда. Бывает этап в жизни человека, когда он презирает сам себя, за свои глупости, не оправданные ничем. За свои слабости. За себя такого, какой он есть. Каким себя ощущает.

— Расскажите мне.

Лида посмотрела на меня так, словно ничего не говорила только что...

— О чем?

Странная женщина. я старался выглядеть серьезным.

— О ваших неприятностях?

На ее губах появилась улыбка. Улыбка разочарования. Во мне. Естественно.

— Лида, Вы сказали, что с незнакомым человеком говорить проще. Никакого личного отношения к сказанному, — мой голос приобрел глупое срывающееся звучание.

Она мешала и мешала ложечкой соль в солонке, что очень действовало на мои нервы. Поймала длинными ресницами мой взгляд и, словно очнувшись от забытья, положила ложку на стол. Странная Она. Обращалась ко мне, а взгляд блуждал в пространстве. Помню, испугался в какой-то момент, что у Нее дефект зрения...

Лида посмотрела на ложечку, но, вспомнив, мой взгляд, не стала ее брать. Она окунула в солонку свои ПАЛЬЦЫ. И стала водить указательным по внутренней стороне солонки. Я едва не задохнулся. Так чувственно у Нее получилось...

— Лида, воспринимайте меня как человека, который может быть вашим другом. Тогда никакого страха перед будущим не возникнет, — эти слова я произнес помимо воли.

В мгновение Она сделала то, чего я просто не мог ожидать. Она дотронулась рукой до моей щеки.

Своей белой, некрасивой рукой. Провела теплой ладонью по щеке...

— Я не знаю, кем вы для меня можете стать...

— Кем становятся вам мужчины? — боже, как нелепо дрожал мой голос.

— Друзьями. Любовниками. А для вас?

Не сразу понял, Она принимает меня за...? Посмотрела мне в глаза. Изучающе резко...

— Только прошу, не спрашивайте, «Вы, что, принимаете меня за...»?

— Замолчите! — не знаю, почему позволил себе повысить голос.

Она рассмеялась. Очень нехорошо.

— Боже, мой, а я подумала, что ты нормальный..., — задумалась на мгновение и произнесла медленно с досадной улыбкой: — У кого еще может быть оранжевое ведро...

В ту секунду мне на голову как будто упал с неба ком холодного снега. Настолько холодного, что кожу обожгло. Я не успел ничего подумать, нет, не подумать, сказать в ответ, как Она поднялась из-за столика и направилась к выходу.

Не знаю, зачем я так себя повел... Понял, что, если Она сейчас уйдет, я Ее больше никогда не увижу, и всю оставшуюся жизнь буду изводить себя за глупость того момента. Еще мне не понравилось, что Она с полной серьезностью приняла меня за того, кем я не являюсь.

Я поймал Ее за руку. Ничего особенного не почувствовал, прикоснувшись к Ней...

— Вы правда думаете, что имеете полное право так легко оскорбить человека и потом просто подняться и уйти?

Ей больше всего хотелось уйти, но Она остановилась и повернулась в мою сторону. Слегка повернула голову, вернее будет сказать, в мою сторону.

— Я признаю, что обманулась в вас, но это только моя ошибка. Извините, может, я слишком экспрессивно отреагировала?

— Экспрессивно, субъективизм... Вы можете говорить нормальными словами? Не этими шаблонами из энциклопедического словаря?

Она с трудом подавила скептическую улыбку.

— Энциклопедического. Сложное слово. Я понимаю.

Вдруг мне стало спокойно до головокружения. Мне расхотелось с Ней говорить. Трудности. Я настолько отвык от трудностей в личной жизни, точнее сказать, у меня так давно не было никакой личной жизни, что совершенно не хотелось беречь когда-то жившую во мне чувственность. Я повернулся и пошел к выходу. Уходил от возможности, которую многие ищут всю жизнь, но внутренний страх перед ощущением чего-то нового не отступил даже перед моей

колоссальной мнимостью. Я уходил, где-то в глубине души гордился собой за несгибаемый дух. Я уходил! Но через несколько секунд мне пришлось вернуться назад...»

Глава 2

Шел дождь. Была тишина. Федор Петрович находился возле большого ободранного окна и впитывал в себя атмосферу уныния. Один... Ему не хотелось садиться за круглый стол к остальным, сердце его было переполнено страдальческой тоской. О чем-то давно имевшем место быть, и почти забытым, оставившим в его памяти только след. Который он никак не позволял стирать своей стремительно наступившей старости...

— В преферанс, Федор?

Федор Петрович поморщился. Так, что морщины заныли от боли.

— Не играю.

— Почему?

— Потому что в карты играют только дураки.

Оставь меня в покое.

Федор Петрович появился в Доме около двух лет назад, и с той самой минуты никто не слышал от него ни одного доброго слова. Он не рассказывал о своей жизни. Все решили, просто не о чем... Недосказанность имеет только одно

воплощение — «ничто». О чем не сказано — того нет. Ни у кого не возникает вопроса при осознании отсутствия у ближнего своего чего — либо, говорилось ли об этом? Подчас создается впечатление, что нет людей, лишенных. Много людей, не желающих говорить.

Фамилия этого угрюмого человека была Гопплин. Однажды он сказал, что его предки были немцами, но если злые гоблины и жили на самом деле, то именно они дали корни его роду. Каждый день он останавливался возле окна. Если не светило теплое солнце. И писал. Никому не говорил, о чем пишет. Рукописи прятал...

У Федора Петровича не возникало мыслей, что никто не воспринимает его и его занятие всерьез. Или, было известно, только напустил на себя ауру агрессии, которая являлась болезненными комплексами одинокого человека.

Это утро было наполнено некоторым оживлением. Беспокойным и раздражающим. Жители дома восторженно ахали, Федор Петрович не хотел поворачивать головы. Знал, что в очередной раз принесли очередное мертвое дерево.

Праздник мертвых. Так называл новый год, почти мертвые люди и мертвое дерево.

Все будет как обычно: разговоры о прошлом, воспоминания, никому не нужная пустая ностальгия... Мертвая... Он тяжело вздохнул и

развернул коляску, чтобы вернуться в свою комнату. К ногам подкатился стеклянный золотой орех.

Молодой доктор смотрел на старика, прислонившись к холодной стене. Федор Петрович не мог не заметить, что молодой человек наблюдает за ним более пристально, чем за остальными.

— Орех на счастье, Федор Петрович.

— Дерево должно быть живым, доктор. Где есть праздник, не должно быть ощущения смерти.

— Федор Петрович у нас умирать собрался? — Филипп всегда говорил, когда имел возможность сказать. Молодой душой и словами, старался держать в Доме веселую атмосферу, и помогал в этом другим. По отчеству его не называл никто. Кроме Федора Петровича, разумеется.

— Нет, такой радости я вам не доставлю, Филипп Исакиевич. Где ваши картонные уши? Дождь подмочил? Или в этом году вы решились играть роль лисы, вижу, волосы покрасили?

Филипп устало зевнул, Федор Петрович не умел быть оригинальным.

— Не обижаюсь на людей, которые не любят никого, дорогой. Мне их жаль премного. А волосы я перекрасил, да. Старости своей не боюсь, как вы, и в любое время смерти могу показать...

Филипп изобразил неприличный жест. Федор Петрович рассмеялся неискренне. «Когда ты

умрешь, все припомнят этот момент и подумают, какой все — таки он был жизнерадостный, НАШ БЕДНЫЙ ФИЛИПП...».

Доктор похлопал Филиппа по плечу.

— Полно Вам, тем более сегодня. До полночи все напишут желания, спрячут их в золотые орехи и положат в корзину под елкой, Так что, Федор Петрович...

Старик в инвалидном кресле громко рассмеялся:

— Дайте, угадаю, после боя курантов все будут брать орешки, торжественно зачитывать желания, и они обязательно исполнятся!

— Не вижу повода для иронии, Федор Петрович. Это очень хороший и приятный ритуал. Может, на этот раз... Думаю, даже вы о чем — то мечтаете, — последнюю фразу доктор произнес помимо воли и успел пожалеть об этом.

Старик поморщился, почему этот молодой человек никак не хочет оставить его в покое? Что-то он бледен сегодня.

— Если бы мне было десять, я бы и согласился. Вы неважно выглядите, Андрей Сергеевич, поспите перед торжеством. Доктор устало улыбнулся. Его назвали по имени. Федор Петрович назвал его по имени. Сам старик был героически доволен собой, такой красивый жест, сделать человеку приятное. Даже если и

осознанно...

«В последние годы часто задумываюсь, насколько все это все же было наивно, — мои мысли о Ней, мои чувства к Ней... Сейчас я понимаю, что идеализировал эту женщину. Она была возможностью жить в окружающей меня серости. Она была любовью всей моей жизни. Но я ничего о Ней не знал...

Кем я был для Нее? Очередным поклонником Ее красоты и женственности, оригинального ума, беспечности, и в то же время, прагматизма. Я хотел и не хотел быть с Ней. Она сама не знала, чего хочет.

У меня был друг. Семен. Человек, которого я любил больше за время, что мы были вместе в качестве друзей. Как это неприятно, любить больше время, подаренное человеком, чем самого человека. На тот период, когда я познакомился с Ней, мы с Семеном вели себя как друзья. Собирались и вспоминали наше общее прошлое. Никаких разговоров о поэзии и жизни. Каждый из нас чувствовал, что потеряно важное, но, конечно, не хотелось в этом признаваться в первую очередь самим себе.

Это был довольно странный человек, но нестерпимо обаятельный для женщин. Вампир обаяния.

В тот первый день, когда я собирался уйти от

Нее и больше никогда не вернуться, именно он и вмешался. Настроенный достаточно категорично, но, подсознательно лихорадочно цепляясь за любую возможность остаться, я был в глубине души рад, когда увидел Семена. Мне было необходимо найти объяснение моего нахождения в том заведении.

Я никогда не посещал подобных мест, и ему, скорее всего, показалось бы странным мое присутствие там. Еще более странным ему могло показаться присутствие женщины рядом со мной. Не знаю почему, но я немного боялся его. Его злых шуток. Ироничных насмешек. Оголяющих все мои комплексы.

По неясным причинам он меня не заметил. Она прошла мимо, направляясь к выходу. Зацепилась манжетой курточки за него, и собиралась извиниться. Семен оглянулся посмотреть, кто причиняет ему некоторые неудобства.

Дальше я почувствовал себя посторонним. Не просто посторонним от всего вокруг. Словно попал в другое измерение. Нарисованное. Мне показалось, что все вокруг стало нарисованным. Я УВИДЕЛ минуту соединения их взгляда, я бы все отдал, чтобы этого не видеть, но я бы все отдал, чтобы еще раз увидеть ЭТО. Я увидел то, о чем пишут уже несколько тысячелетий, о чем поют, о

чем мечтают, но нет...

Ни одна книга об ЭТОМ не стоила пролетевшей секунды. Семен Ей улыбнулся. Боже, как я возненавидел его улыбку. Какой пошлой и неестественной она мне тогда показалась. Отвратительный тип. Мой лучший друг... Она смутилась немного. В секунду уверенная в себе женщина превратилась в жалкую девочку. Бросила спасательный взгляд, и направилась ко мне. Честно сказать, я тоже потерялся в тот момент. Вышел на улицу.

Что я мог еще сделать?

Наши ведра стояли там, где мы их оставили. Оранжевое и серое. Нелепая встреча. Нелепый день...

— Федор, — окликнула меня по имени. — Знаете, не... Плохо вышло. Пройдемся? (именно так и сказала, и не от волнения вовсе, любила это слово).

Как хотелось грубо и больно съязвить. Женщины. Никогда не мог и не хотел их понять. Какие они по нелепому странные... Где логика в их поведении?

Я знал, что эта прогулка не принесет мне ничего, кроме неудовлетворенности. Но решил, что лучше неудовлетворенность от сделанного, чем мучения души от возможного, но не имевшего место быть по одной простой причине: не

случилось...Семен не удивился мне, вопреки опасениям.

— Привет, дорогой мой, не правда ли, погода чудесная?

Я не удержался от улыбки. Премерзкий дождь с утра, что может быть чудеснее?

— А ты здесь...С дамой?.. Давно хотел познакомиться с женщиной. Думаю, неприлично умной, — Семен выдержал многозначительную, как ему казалось, паузу:

— Ваш взгляд меня убедил в этом.

Как преобразилось Ее лицо...

— Мне улыбнуться и сказать, как тонко вы чувствуете женскую натуру? Если мужчина говорит, что женщина и красива, и умна, что следует ей сделать для него?

Семен удивленно скривился и ответил довольно резко.

— Поблагодарить.

Она посмотрела на него с интересом, словно думая: «либо законченный олигофрен, либо...Законченный олигофрен». Другой бы человек подобрал более простое слово, но уверен, Она выбрала ругательство «олигофрен».

Как правило, с незнакомыми людьми Семен не любезничал. Но, видимо, решив, что Она имеет ко мне близкое отношение, остановился. Через силу.

— Не хотел вас обидеть. Вижу теперь, что сказал лишнее. Давно вы вместе?

— Сорок две минуты. Она посмотрела на часы, зачем — то провела по циферблату пальчиком, — за то время, которое я мог наблюдать за Ней, я отметил, что Она постоянно в себе, и эти Ее прикосновения, неосознанные. Интересно, к чему Она прикасается с такой нежностью и задумчивостью? Я вдруг подумал, возможно ли потрогать мысль руками?

— Ваш друг очень интересный человек, — улыбнулась, — Сколько вы знакомы?

— Не можете себе представить, сколько. Если честно, не думал, что увижу его с кем-то.

Я вонзил в него взгляд, чтобы заставить замолчать, но...(вонзил...интересно, возможно ли вонзить взгляд с такой силой, чтобы убить?)

— Вижу, вы цените свои отношения. Такая трепетность...

— По настоящему ни одной женщине не известно, что нужно мужчине.

— Вас послушать, все вокруг должны быть... Такими. Тогда мир превратится в кладезь взаимопонимания...

Семен странно посмотрел на Нее. Начал понимать.

— А что вы имеете против естественного проявления...

Она не дала ему договорить.

— Естественного? Подобные проявления нельзя причислять к естественным. Это ненормально и с физиологической точки зрения и с моральной.

— Если Вы причисляете к естественному все, принятое обществом, вы, конечно, правы. Но «естественно» для человека значит никоим образом не причиняющее дискомфорта его физиологии и психике. К примеру, для мужчины естественно писать стоя, некоторые писают сидя, и для них это естественно.

Я сам начал сомневаться в нормальности Семена.

— Вы играете словами, Семен. Естественное, это не воспринятое обществом, а данное природой. Природа диктует правила. И, как это ни печально, все люди являются продолжателями рода, и мужчина с женщиной — это естественно, а мужчина с мужчиной или женщина с женщиной — нет...

— В таком случае, зачем какие-то отношения, браки, романтика? Давайте просто размножаться!

Мне это надоело. Я собирался — было объяснить Ей, что все это только лишь глупые шутки Семена и стечение обстоятельств. Но Семен взял меня за руку и произнес довольно холодно:

— Манерная дамочка нагоняет тоску. Пойдем,

дорогой!

Она не успела понять, что именно происходит. Я тоже. Семен нежно махнул ей на прощанье рукой. Мне стало плохо. Помню, когда мы прошли несколько кварталов, впервые ударил его по лицу.

Не могу точно сказать, что именно произошло потом, но, стирая кровь с лица, Семен сухо произнес, что и до меня добрались. Я даже не стал спрашивать, кто именно.

Конечно, одаренные сексуальностью, обделенные интеллектом, из разряда самодостаточных паразитов, и имя им — Женщины... (думается, Женщина с заглавной буквы в таком контексте звучит еще обиднее).

Я вернулся к Ней. Хотел извиниться, или объяснить все... Внутренне волнение вылилось в мелкий озноб. Она стояла там, где мы Ее оставили. Объяснения выпали из памяти. Не помню, что говорил Ей. Но Она предложила встретиться еще раз. Сама.

В этом же месте. Через месяц...

Странно, хотела проверить приду ли я? Или, придет ли сама... Но когда я услышал это, уже заранее знал, что увижу Вечность в глаза. Месяц...»

— Я очень люблю этот праздник. Что-то доброе рождается в нас, возвращая в детство. Я

чувствую, — Вера Павловна с большим удовольствием смотрела на наряженную елку.

— Федор, дайте руку.

Федор Петрович смутился немного. Что еще придумала эта стареющая женщина. Вдруг про себя отметил, что назвал ее не старой, а стареющей. Испугался.

— Не говорите мне, что боитесь. В нашем возрасте просто неприлично бояться.

— Скажете, когда я умру?

— К чему так серьезно?

Ее искрящиеся глаза, казалось, оттеняли блеск гирлянд.

— Неужели вам никому не интересна ваша судьба?

Филипп вяло улыбнулся.

— Все там будем.

Вера Павловна начала злиться. Когда она злилась, ее нос смешно оттопыривался, и она страшно краснела.

— Карты о многом могут рассказать. Вчера я узнала, что светловолосый мужчина войдет в мою жизнь, — она говорила с такой серьезностью, что даже безобидное желание повеселиться над старой женщиной могло показаться пошлой издевкой.

— Из шестерых нас пятеро светловолосых, Верочка, не считая, конечно, Филиппа. Если бы он знал, что, возможно, его ожидает с такой

драгоценной женщиной, как вы, целая Жизнь, не побоюсь этой фразы, или кому угодно, остаток жизни, не перекрашивался бы в шатена. — Сергей Иванович интеллигентно поклонился и поцеловал Вере Павловне руку.

Поразительно, но этот утонченный человек с научной степенью и блестящими знаниями, с воспитанием, подходящим на дворянское, всю жизнь провел в институтских стенах, преподавая уроки жизни и не только, поколению молодых и по отвратительному равнодушных ко всему людей. Всегда смотрел с грустью. Но только не на Веру.

Федору Петровичу было интересно, что за всем этим последует. Предыдущий праздник все встретили с потрясающим унынием.

Потом появилась Вера. Он хорошо запомнил день ее прибытия. Она появилась внезапно. Как будто нарисовали ее силуэт посередине комнаты яркими красками.

— Здравствуйте. Я Вера.

Кажется, никто не обратил внимания.

— Здравствуйте. Я — Вера. Не люблю, когда молчат. И еще думаю, мы обязательно будем дружить.

Наверное, в тот момент в ней происходила внутренняя борьба, между желанием уйти и продолжить знакомство. Она выбрала последнее. Вера она и есть вера...

— Я родилась в Самаре. Красивый город, и еще очень вкусный шоколад. В нем делают, — она с любопытством огляделась.

— Да! — вдруг закричала, — Принесу.

Федор Петрович про себя усмехнулся. Интересно, подумал он, надолго ли подобная энергия поселилась в их доме. Роза, конечно, может вырасти среди сорняков, но со временем они закроют ее своей многочисленностью. Обязательно. Останется лишь аромат. Если только не исходит вони от окружающей ее травы. Что опять же ее осквернит... Ему понравились сравнения, рожденные в мыслях.

Филипп не выдержал первым.

— Мы не должны так... Сухо. Новый человек. Саша, вы женщина. Поддержите ее.

Саша вышивала. Она устало улыбнулась.

— На самом деле мне интересно, что последует за всем этим. Думаю, она принесет шоколад и предложит всем его попробовать...

— И мы осыпем Сашу овациями за то, что она такая проницательная, — Федор Петрович едко заметил. — Почему бы вам ни вышить на этой подушке «Добро пожаловать, нам на вас...».

Саша не любила Федора Петровича. И лучшим проявлением своего отношения к нему считала полное безразличие.

Вера появилась с букетом нарциссов и в

растерянности остановилась посередине комнаты. Филипп не сдержался:

— Как же ваш шоколад? — с осуждением посмотрел на Сашу, словно обвиняя ее в чем — то.

Вера улыбнулась. Так естественно и искренне, что Федору Петровичу стало не по себе. Он подумал, что никогда еще не видел таких добрых глаз. И таких голубых. Нет, видел. Но те глаза были окутаны его несбыточными мечтами, а эти... Земные и настоящие.

— Я подумала, что вам всем больше понравится горячий шоколад. Плитками никого не удивишь. Потом увидела цветы во дворе и не сдержалась. А про шоколад я совсем забыла... Простите. Теперь с утра?

— Горячий шоколад в постель... — Филипп смотрел на Сашу. Он давно заметил, что она пришивает к платью свое шитье. Молчал. Его это забавляло...

Саша с возмущением отложила вышивание. Нервно порвала яркие нитки. Получилось красиво — немного оживила цвет своих вечно серых одежд.

— Филипп, я нахожу твои шутки неприличными...

— Саша, Саша... О чем ты мечтаешь? Я ни слова не сказал о том, что ты, постель и шоколад связаны...

— Достаточно одного взгляда. Прекрати надо

мной издеваться! — Саша, едва сдерживая слезы, встала.

Перед выходом взяла Веру за руку и доверительно обратилась к ней:

— Вы не представляете, какие они. Отсутствуют чувства уважения к пожилой женщине. Чем ближе окажетесь к ним, тем сильнее будут обиды.

Вера улыбнулась рассеянно. Раздала всем по цветку и предложила собраться вечером в общей комнате, чтобы попить чаю и познакомиться поближе. Федор Петрович, едва скрывая желание зевнуть, покинул комнату, его все утомило. Цветок, однако, вложил в тетрадь...

«Я ждал окончания этого месяца, как второго Пришествия. Какой будет встреча? Что я Ей скажу, что Лида мне скажет? Каждую минуту представлял себе многочисленные варианты.

Как все просто было в воображении, мне хотелось этого в реальности. Я оттягивал этот момент, боялся его в чем-то даже. Я не знал, как все будет. Но отлично представлял, как все может быть. Время тянулось долго и болезненно. Мучительно болезненно. Точка во всем была поставлена немного раньше, чем возможно было ожидать.

Семен однажды пришел полный энергии и заражающей радости. Я видел его таким всего два

раза в жизни: когда его родители развелись, и когда умерла его любимая собака.

Странный он все-таки, не видел рядом с собой очевидных истин, которые прибавляют людям счастья, а вещи, нуждающиеся в глубоком анализе, воспринимал легко, естественно и никогда неудачи не воспринимал за неудачи. Искал радости в горестях. Что же касается просто радостей, он делал вид, что их нет. Иногда я думаю, что он сам подсознательно загонял себя в кризисные ситуации и стрессы, чтобы чувствовать себя счастливым. Зачем, только? Назло себе? Да, он шел по жизни смеясь, но мне от этого было больно и грустно. Как желал я ему хотя бы раз ощутить искренние и настоящие минуты. Полные простого счастья, не держащие в себе ни капли надуманного, притворного, показного.

Сначала я испугался, что это очередная боль, и его непонятная упрямая способность обернуть ее во благо. Он обнял меня и не отпускал несколько минут. Я даже не стал высвобождаться.

— Знаешь, что?

— Кто — то умер ...

— Именно! Именно так!

Он поставил передо мной бутылку с вином.

— Это надо отметить. Я хочу поднять за это тост. Знаешь, она такая... Как я был не прав. И знаешь, тогда, когда еще увидел ее в первый раз,

словно искра какая-то проскочила. Тебе этого не понять, к сожалению. Но она...

Если бы в ту минуту я стоял на раскаленных углях, наверное, не почувствовал бы боли очень долго. Я понял. Как только он сказал про искру, я понял. Весь оставшийся вечер он рассказывал мне, как они встретились.

Самое плохое в жизни каждого человека, и не дай Бог это испытать — слушать лучшего друга, делая вид, что рад за него искренне и начинать его ненавидеть. Лида и он... Они просто говорили в тот вечер, но мне показалось, что это только начало. Скупое начало мучительной гибели моего сердца.

Я все бы отдал, чтобы быть на его месте. Я испугался, что через месяц Она не придет к месту, где назначила встречу. Даже если и придет... Нет смысла во всем этом. Я чувствовал себя отвратительно, сам мечтал, чтобы однажды Семен искренне радовался, без проблем и негативных эмоций, а в тот самый момент горько расстроился. Он не замечал моего состояния. Все говорил о Ней. Я обхватил голову руками. У меня случилась внутренняя истерика. Жизнь отвратительна временами. Я был рад за него, это все яркий пример того, что мечты сбываются. Но какой ценой...»

Елка все горела гирляндами. Рассвет прорисовывался в тишине и пустоте уходящей

ночи. Федор Петрович не хотел отпускать эту ночь. И чем больше цеплялся за нее безысходными желаниями ее продолжения, тем быстрее, казалось, текло время. Вера сидела напротив. Много часов подряд они говорили всякие глупости. Но так хорошо ему не было еще, он ни разу не позволил себе подумать о постороннем. Он не представлял себе ничего сегодня. Просто слушал. Просто говорил. словно жил по-настоящему, без подсознания, первый раз...

Вера положила теплую ладонь ему на руку. Он вздрогнул и почувствовал, как лицо окутывает приятный румянец, которого много лет назад, скорее всего, застыдился бы.

— Очень приятно с тобой быть, Федор. Но годы берут свое, ты знаешь. Прости, хочу спать. Всем бы пожертвовала, чтобы сидеть вот так с тобой полвека назад.

Он долго смотрел в ее глаза, пробегая и пытаясь уцепиться взглядом за родные черты. Она поднялась и покинула зал. Уходила медленно и в то же время бесконечно быстро.

Федор остался один. Он странно себя чувствовал. Вообще, рядом с этой женщиной всегда испытывал странные эмоции. Вспомнил, как однажды сидел и смотрел в одну точку над раскрытой тетрадью. Никаких мыслей, только пустота... Вздрогнул вдруг. Запах. Запах Веры, —

цветы: ландыш, гвоздика? Испугался... Он обернулся, прикрывая тетрадь руками. Вера действительно стояла позади него. В глазах у нее были слезы.

— Простите мне. Не знаю, почему пришла сюда. Вы всегда в стороне. Я подумала, что умеете слушать.

Федор Петрович смутился. Он не знал, что делать. Женские слезы наводили на него сильнейшую панику.

Не дожидаясь ответа, Вера села на кровать. Посмотрела в окно. Мутным взглядом.

— Просто хочу плакать. А когда я плачу одна, все не так. Не проходит ничего. Говорю себе — замолчи, и молчу. А если вы мне скажете, не буду молчать. Так устроена.

По ее щекам катились слезы. Она долго сидела и плакала. Прилегла на его подушку. Федор Петрович ощутил нечто странное в своей душе, глядя на плачущую Веру. Ему захотелось погладить ее, он неуверенно поднес руку к ее голове. Она дрожала. Не от старости, не от бремени прошедших лет, нет. Вдруг понял, что все не так, как когда — то с Лидой.

К Лиде он не посмел бы прикоснуться, будь Она в слезах. Если бы на месте Веры была она, он бы долго не мог поверить, что дотронется до Нее, вытрет ее слезы...Веру захотелось просто

погладить. По ЧЕЛОВЕЧЕСКИ пожалеть.

Словно ребенок, открывающий мир неизвестного, положил руку ей на волосы. Как пух. Такие мягкие, а кожа теплая. Что так расстроило ее? Столько лет прошло, а ее ресницы все такие же густые, вдруг подумал. И почувствовал сам, как стало трудно и больно дышать. Он обхватил ее голову руками и сам заплакал как ребенок.

Так они сидели и плакали. Каждый о своем. Без стеснений, глупых лишних вопросов. Он улыбнулся — с того момента и начались доселе неведомые ему отношения с женщиной. Также просто и легко они проводили старый год и встретили новый.

Вечером Федор старался не смотреть по сторонам. С большим напряжением он медленно подкатил коляску к елке, и опустил руку в корзину. Серая бумажка жгла руки. Страшно было ее развернуть, все казалось наивным и глупым... Он решил.

— Я говорил, ваше будет главным в этом году.

Федор Петрович тяжело вздохнул. Почему этот молодой человек здесь? Он развернул коляску и внимательно посмотрел на врача.

— Скажите, молодой человек, чего бы вам хотелось?

— В каком смысле?